

Никита Басманов, студент
IV курса Нижегородской
духовной семинарии

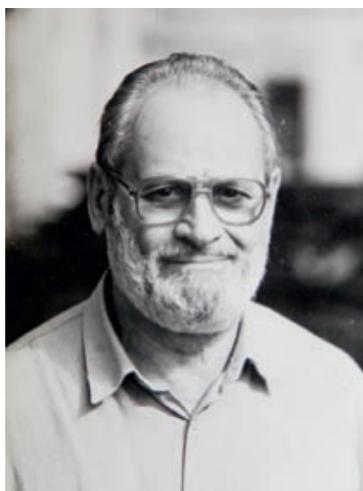
Внук и дед: две судьбы

Николай Евгеньевич Богусhev, с которым по-счастливилось познакомиться автору этого очерка, живёт скромной, размеренной жизнью. В свои годы, а сейчас ему 82, он производит удивительное впечатление энергичного, интересного и мудрого человека. На протяжении вот уже более двадцати лет Николай Евгеньевич — бессменный прихожанин нижегородского храма Воскресения Христова. И когда я пытался выяснить факты из личной биографии этого в прошлом опытного штурмана, мореплавателя с внушительным стажем в 28 лет, все сведения, которыми делился Николай Евгеньевич, непременно были связаны с его дедом, либо это были рассказы о трудах

по восстановлению храма или в воскресной школе... Думаю, что такая избирательность неслучайна. Главное сегодня в жизни Николая Евгеньевича — воссоздать в подробностях историю жизни и служения его деда, нижегородского священника, ставшего святым мучеником за Христа...

Путь обращения ко Христу самого Николая Евгеньевича начинается, по его словам, с прочтения романа Чингиза Айтматова «Плаха», где описывается суд Понтия Пилата над Иисусом Христом. Для него, читателя, это стало потрясением, ведь об «этом» в советские времена не говорили, а если и говорили, то тайком, словно о болезнях. Не вспоминал он в те годы и о своём деде — подвижнике веры, разве что с чувством

стыда: всё-таки внук «преступника», «врага народа»... Путь Николая Евгеньевича ко Христу был кружным, как и для всякого советского человека, причём не только об-разно, но и, в каком-то смысле, буквально. После окончания учёбы в высшем военно-морском училище радиоэлектроники он почти 30 лет плывал по всему белому свету, продолжительное время жил со своей семьёй на севере ещё советского Таджикистана в Худжанде, и только когда поползли слухи о распаде Союза, переехал на родину, в Нижний. Здесь Николай Евгеньевич много работал по специальности (связистом), а позже, когда в полноте обрёл веру и воцерковился, потрудился и над восстановлением храма, в котором служил его дедушка, а также на ниве духовного просвещения — после успешного окончания катехизаторских курсов при нижегородском Александро-Невском соборе.

Николай Евгеньевич Богушев

Он и по сей день ведёт занятия в воскресной школе. С особой душевной теплотой Николай Евгеньевич вспоминает американцев и англичан, которые в период «нулевых» приезжали в Нижний Новгород «по обмену» и добровольно трудились в храме, участвовали в общинной жизни прихода. «Необычайно милые и благодарные молодые люди, чьи сердца очень и очень отзывчивы к слову Благовестия», — делится Николай Евгеньевич и показывает их письма и открытки, — «не забывают».

Однако собеседник мой в разговоре отнюдь не предался безудержно воспоминаниям о себе и событиях личной жизни. Казалось, что всё, о чём бы ни начал говорить Николай Евгеньевич, так или иначе, возвращалось к главной теме — рассказу о его деде по материнской линии — священнике Александре Черноуцане.

Александр Черноуцан с супругой, начало 20-го века

Исповеднический и мученический путь протоиерея Александра Черноуцана

Александр Минович Черноуцан родился в 1882 году в местечке Сегуряны Хотинского района (Бессарабия), в семье священника Мины Александровича Черноуцана. Его мать, Елизавета Георгиевна, также была родом из духовной семьи: отец — протоиерей Георгий Стадницкий и брат — митрополит Арсений (Стадницкий). Поэтому Александр Минович избрал путь служения Богу не случайно. В 1907 году он успешно закончил Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия. С 1908 по 1918 год А. М. Черноуцан служил на должностях помощника смотрителя духовных училищ в Кутаисе, Пинске, Минске и Нижнем Новгороде. Его успешная

Священник Александр Черноуцан с дочерью и внуком, 1930-е годы

служба в этом качестве была оценена: государь император Николай II наградил А. М. Черноуцана орденом св. Станислава 3-й степени.

В период с августа 1917-го по сентябрь 1918 года Александр Минович был делегатом от мирян Нижнего Новгорода на Поместном соборе Русской Православной Церкви и принимал активное участие в его работе. После того, как в январе 1918 года патриарх Тихон в своём послании анафематствовал гонителей Церкви, соборяне выступили в поддержку иерарха. Черноуцан в числе выступавших дал резкую оценку новой власти: в этих выступлениях большевизм именовался «сатанизмом» и «антихристианством». Так же гневно осуждались клирики и миряне, поддержавшие революцию. Кроме того, Александр Минович заявил, что послание патриарха читали далеко не во всех храмах.

Священный сан А. М. Черноуцан принял уже после разгона Поместного собора властями и был назначен священником, а затем настоятелем нижегородского храма Воскресения Христова, где служил до февраля 1925 года. В это сложное время в своей позиции он был близок епископу Варнаве (Беляеву): оба категорически отвергали политику обновленчества в Церкви. В период служения о. Александра в Воскресенском храме образовался кружок из учёного духовенства и двух-трёх религиозно образованных мирян: на собраниях обсуждались религиозно-нравственные проблемы и меры противодействия широкой антирелигиозной и антицерковной пропаганде, развернувшейся в стране. В этот кружок входил, конечно же, и о. Александр.

В ночь на 27 февраля 1925 года отделом ОГПУ были арестованы многие члены этого кружка, в том числе священник Черноуцан. В результате длительного следствия все они были признаны виновными в религиозной пропаганде. Обвинительное заключение гласило: «...принимая во внимание, что эта организация в своей деятельности имела целью укрепление и поднятие религии, и весь состав её представляет реакционных тихоновцев, полагал бы: настоящее дело направить в VI отделение СООГПУ на предмет административной высылки всех обвиняемых

из пределов Нижегородской губернии. Уполномоченный Нижгуботдела ОГПУ Каратович» (Дело 2209, по №3, ед. хр. 21414 ГАГО).

Согласно этим выводам, о. Александр Черноуцан был осуждён на три года ссылки в город Воткинск (Удмуртия). Но и будучи в ссылке он продолжал исполнять свой священнический долг. Однако при этом пришлось встретить немалое противодействие со стороны властей и обновленцев. Последних он в своих письмах остроумно именовал «обнагленцами» (и этот факт, кстати, снимает подозрения некоторых сотрудников музейных архивов в том, что о. Александр сам входил в «обнаглённую» Церковь).

Так, в одном из писем домой он говорит с надеждой: «Будем верить, что наступающая великая радость праздника (Пасхи), сильно омрачённая для нас отнятием нашего единственного православного храма «обнагленцами», всё же вольёт в нашу душу бодрость и усилит нашу веру в кратковременность здешних страданий и в ничтожество земных благ...».

Исполнение о. Александром священнических обязанностей в сочетании с ясно выраженной жизненной позицией вызывало недовольство властей и органов НКВД, которые осуществляли постоянный контроль за всеми ссылными и производили у них обыски.

В книге «Забвению не подлежит» (ряда авторов) читаем:

Отец Александр в ссылке, 1930-е годы

«В 1928 году в Воткинске у ссыльных М. В. Палаева и А. М. Черноуцана при обыске были отобраны присланные им православный журнал «Вера и Жизнь» (издавался в Латвии) и письмо протоиерея Н. Ф. Фигурова, ставшее причиной ареста и наказания...». Для нового обвинения властям этого было достаточно: решением особого совещания ОГПУ протоиерей А. М. Черноуцан был осуждён на три года пребывания в исправительно-трудовом лагере на острове Соловки, где находился с августа 1928 года по январь 1931 года. О том, что собой представлял СЛОН (Соловецкий лагерь особого назначения), являвшийся местом заключения священнослужителей и монашествующих, много

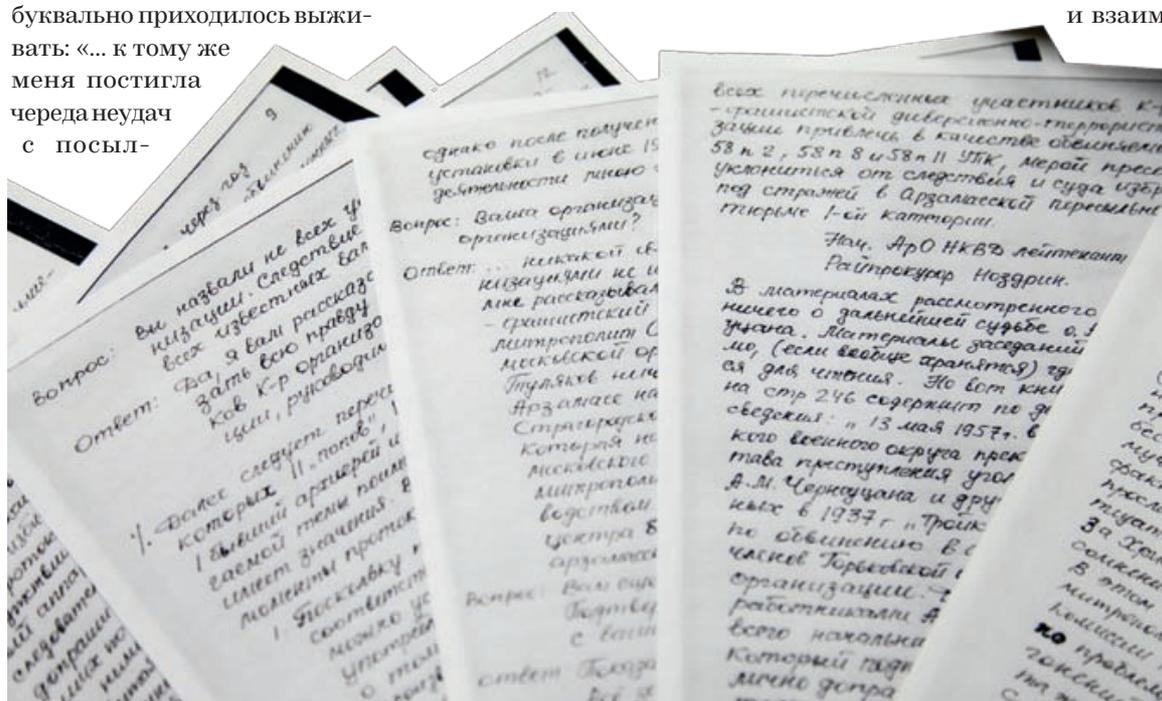
писалось как в 1990-е годы, так и ныне. Тема эта остаётся актуальной, достаточно вспомнить новый роман нашего земляка, нижегородца Захара Прилепина — «Обитель».

Известно, что Соловецкий лагерь именовали ещё «русской Голгофой», ибо он стал местом массовой гибели заключённых, большинство из которых пострадали за православную веру. Тем не менее, о. Александр Черноуцан по истечении срока вышел из этого лагеря, хотя и с подорванным здоровьем, однако живым и не отчаявшимся, и, что важно, не потерявшим веры в Божию милость. Это видно из его писем семье. Однако, несомненно, были и горькие строки, неизбежно продиктованные той действительностью, в которой буквально приходилось выживать: «... к тому же меня постигла череда неудач с посыл-

ками. Из Нижнего и Ленинграда так и не дождался. Слава Богу, что в таком случае есть хоть малая компенсация от правителям... Эти систематические неудачи наталкивают меня на мысль об отсутствии случайности. И это неудивительно, если принимать во внимание всю одиозность нашего социального положения: пусть, де, подыхают скорее... Иные ссыльные и по два срока тянутся»...

Следующим местом ссылки стал Олонекский край (ныне республика Коми). Здесь о. Александр пробыл до сентября 1933 года. Судя по многим его письмам, ссыльным в этом краю было крайне тяжело: лишённые документов, они не имели возможности получить работу, тяжелейшие условия жизни — не на много

лучше соловецких, но всё же это была ссылка, а не лагерь. О. Александру приходилось перебиваться случайными заработками, в основном подённой работой на лесоповале. При этом претерпевалась постоянная нужда в тёплой одежде, продуктах питания, иными словами — в самом необходимом. Чувство голода было постоянным спутником ссыльных. Так, о. Александр писал в одном из писем: «Сегодня был прекрасный ужин, — удалось раздобыть три картофелины и несколько макаронин — отличный вышел суп». И такой оптимизм не покидал священника на протяжении всего времени ссылки. «Почерпаю силы из радостного чувства, которое возникает при мысли о нашем совместном пребывании и взаим-

Лейтенант Николай Богушев с женой

ной помощи», — писал он домашним. Денежные переводы и посылки, как правило, до адресатов не доходили. Усугубляло положение ещё и то, что неясны были сроки пребывания в ссылке.

В этот период о. Александр сильно переживал из-за невозможности оказать поддержку семье, которая находилась в самом труднейшем материальном положении. Тяжёлым ударом стало для него сообщение о смерти в сентябре 1931 жены Марии Петровны, а в 1932 году — о смерти от тифа обоих сыновей — Николая и Петра; в живых осталась только дочь Татьяна, 1914 года рождения. В письме к зятю о. Александр выражал крайнюю обеспокоенность: «Душа болит за детей, особенно при осознании почти полной моей бесполезности для них в настоящее время. ...не имею возможности при полном напряжении всех

сил заработать даже на полугодное существование, к тому же оборвался и скоро начну походить на настоящего шпану».

Можно прочесть и трогательные строки в письме к дочери, когда он писал ей, только вышедшей замуж, из ссылки: «Помни, что теперь ты себе не принадлежишь, а мужу, и это самая серьёзная сторона вопроса, которую ты пока не осознаёшь в силу своей молодости...» Или такой поразительный совет, которые даёт отец дочери: «Не в меру развитый самоанализ слишком угнетает человека...» Какой крепкой и нежной должна была быть любовь этого человека, чтобы он, даже из тяжелейших условий — физических и духовных, — мог так тонко проникать в душу своего чада!..

В конце 1933 года о. Александр наконец был освобождён и получил возможность

увидеть дочь, которая проживала (тогда уже) в городе Горьком. Однако ему, как репрессированному, не разрешено было жить в областном центре и было указано поселиться в Арзамасе.

Период жизни о. Александра в Арзамасе был до 1937 года сравнительно спокойным: время от времени он мог видеться с приезжавшей к нему дочерью и внуком, родившемся в 1934 году. Местом его священнического служения стал храм Воскресения Христова (вновь — Воскресения Христова, как и в Нижнем!). Кроме того, о. Александр являлся благочинным первого благочиннического округа города Арзамаса. Жизнь в этот период для него осложнялась, как обычно, тяжёлым материальным положением. Из его писем к дочери можно видеть, что местный финорган брал налог, превышавший утверждённый в 1930 году ВЦИКом Наркомфина норматив налогообложения служителей культа. Достаточно упомянуть, что, как писал о. Александр дочери, у него не было денег, чтобы купить осенью галоши.

В 30-е годы резко усиливаются гонения на Церковь по всей стране. Особенно страшным был 1937 год. Репрессии коснулись и Горьковской области. Были произведены многочисленные аресты священнослужителей и монашествующих, и даже верующих мирян, в связи с так называемым процессом

«Церковно-фашистской, диверсионно-террористической организации» («процесс церковников»). В ходе этого процесса, инспирированного властями, рассматривались дела по обвинению в антигосударственной деятельности многих священнослужителей. В числе арестованных по этому делу был и о. Александр Черноуцан. В очередной раз его арестовали 6 сентября 1937 года и в течение полутора месяцев содержали в тюрьме НКВД, неоднократно подвергая допросам. О том, как и какими методами добывались следователи НКВД «признаний» от подследственных в антигосударственной деятельности, известно из разных публикаций. В их числе, например, книга иеромонаха Дамаскина (Орловского) «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия» (Тверь, 1992). Итогом «плодотворной» работы следователей в отношении о. Александра и многих арестованных с ним по делу «церковников» стал приговор «тройки» НКВД, согласно которому все они были приговорены к высшей мере. Вместе с протоиереем А. М. Черноуцаном 23 октября 1937 года расстреляно 37 человек.

Жизнь о. Александра в годы правления богоборческой власти в России представляется долгой вереницей тяжелейших испытаний его веры во Христа. Исследования его биографии говорит

о том, что он осознанно принял сан иерея в годы, когда уже активно велись аресты священнослужителей, достойно и с честью исполнил свой пастырский долг, не отступив перед жестокими гонениями, не сломившись духом, не отказавшись от веры и своих убеждений. Это видно из самого факта его подвижничества, из чтения его писем.

Образ пути русского человека

Николай Евгеньевич Богушев, внук протоиерея Александра Черноуцана, поведавший нам свою семейную историю, — не просто человек с «интересной судьбой». В его жизни можно увидеть весь исторический путь русского человека XX столетия. От оторванности от веры отцов, от блуждания в «стране далече» до обретения Отчего дома и веры истинной. Именно поэтому с особым значением и особым трепетом Николай Евгеньевич рассказывает о своём предке-священнике.

Вспоминаются слова писателя и советского офицера, участника Великой Отечественной войны Бауыржана Момышулы: «Их могилы выросли бурьяном, но их дела цветут тюльпанами». Конечно, товарищ Бауыржан вряд ли имел в виду расстрелянных священников, однако слова его более чем применимы к подвигу веры. И в этой неслучайной цитации о значении русского подвига заключён,

на мой взгляд, весь пафос и смысл 70-летнего периода в истории нашей родины.

Невозможно не ощущать этого всем сердцем, и не только потому, что в последнее время распространяется и становится популярным «диванный», телевизионный «патриотизм», а потому, что невозможно не удивляться и не содрогаться от соприкосновения с живой историей нашего отечества. С такой историей, которая не в учебниках написана и не в фильмах показана, — а с той, что звучит в биографиях живых людей, с которыми пока ещё можно встретиться, вслушаться в их непридуманные рассказы, воспоминания... История родного отечества живёт в таких людях, как Николай Евгеньевич Богушев, — и даже не как память, а как боль и радость, как честь и достоинство. И, в конце концов, как наша общая народная совесть.